

Согласно отчетам столичного Исследовательского института, неделю назад, третьего августа, главный алхимик империи, лорд Оупен, прибыл на юго-восточное побережье материка. Там, прибегнув к древнему ритуалу призыва, он распахнул врата, ведущие в глубоководную бездну.

Спустя три дня на южный берег выбросило двоих: самого алхимика и чернохвостого русала — существо с торсом обычного мужчины и рыбьим хвостом длиной почти в три метра.

Лишь когда мифическое создание предстало перед людьми во плоти, они осознали, что все легенды, бережно хранимые в ветхих фолиантах предков, были чистой правдой.

Из костей русалок куют клинки, рассекающие металл как мягкую глину. Из их чешуи создают драгоценности, дарующие вечную молодость. Но самым вожаемым сокровищем была одна единственная строчка из преданий: «Вкусивший их плоть обретет бессмертие».

Человеческая алчность зачастую с легкостью побеждает страх. Любая мать с пеленок учит свое дитя не тянуть в рот что попало, но, к великому сожалению, перед лицом такого искушения все наставления были мгновенно забыты.

Русалки были слишком прекрасны, а бессмертие — слишком соблазнительно.

Весть о том, что Оупен заполучил морское божество, за одну ночь облетела высший свет столицы. Каждый аристократ и член императорской семьи жаждал урвать свой кусок.

Меньше чем за неделю спящий русал, подобный сошедшему с небес божеству, был освежеван почти до костей. И если бы не вмешательство самого лорда Оупена, от существа не осталось бы даже тех жалких ошметков плоти, что едва поддерживали в нем жизнь.

Лишь когда пелена безумного восторга спала, опьяненные кровью аристократы начали смутно осознавать весь ужас содеянного.

Бессмертие — вещь, которую крайне трудно проверить на практике. Самому старшему из лордов, отведавших мяса, было чуть за восемьдесят, и при должном уходе он и так протянул бы еще с десяток лет. К тому же, бессмертие не означает неуязвимость; никто не собирался вонзать себе в сердце кинжал ради эксперимента.

Даже если бы они бросились искать по всей империи столетних старцев для опытов, это не дало бы мгновенных результатов. А за время ожиданий слухи могли просочиться за границу и привлечь внимание соседних держав.

Но самое страшное заключалось в другом. Чернохвостого вытащили из воды уже без сознания. Сейчас его искромсали до неузнаваемости. Что, если русалка испустит дух еще до того, как они успеют насладиться ее плотью?

В итоге все закончилось тем, чем закончилось: почти вся правящая верхушка столицы испила белоснежного, потрясающе вкусного бульона.

Генерал Кенли с кряхтением протискивался в дверцу кареты. Для его туши весом почти в полтора центнера экипаж, созданный по стандартным чертежам, оказался тесноват.

Двое слуг суетливо бросились его поддерживать, до смерти боясь уронить «Бога Войны» столичного разлива.

— Да-да... благодарствую, — генерал небрежно и тяжело хлопнул одного из лакеев по плечу, сунул шляпу другому и вразвалочку направился к дверям резиденции.

Если бы Оупен не прислал за ним людей с настойчивой просьбой явиться, вытащить Кенли из таверны смог бы разве что сам император.

Исследователи, снующие по коридорам, последние два дня ходили на цыпочках, дрожа от страха.

Генерал навис над одним из них, дыхнув в лицо перегаром и обдав жаром красного, опухшего от пьянства лица:

— Где Оупен?

— Господин... ох, то есть, генерал. Его сиятельство ждет вас в гостиной на втором этаже.

Кенли невнятно хмыкнул и, грубо отпихнув ученого, пошел дальше.

С десятка лакеев семенили следом, стараясь не отставать.

— Этот мальчишка Оупен совсем не меняется! — громогласно заявил Кенли своей свите. Его пьяный бас эхом раскатился по коридору. — Чуть что — сразу в панику! Да если бы не я, хрен бы он когда стал главным алхимиком!

Находясь на чужой территории, Кенли и не думал сдерживаться, не скрывая презрения к хозяину резиденции. Слуги не смели его одергивать, лишь подобострастно поддакивали.

Но нашлись и те, кто испугался гнева алхимика. Один из прихвостней натянул фальшивую улыбку и забежал вперед:

— Генерал, лорд Оупен недавно удостоился награды от самой императорской семьи. Может, дело и правда важное?

— Да что там может быть важного? Опять какая-нибудь заминка в его «исследованиях», ха-ха-

ха! Как по мне, эта тварь всегда там плавала, просто он первым на нее наткнулся...

— Кейси Кенли.

Голоса на первом этаже оборвались мгновенно, словно кто-то перерезал невидимую струну.

Свита генерала и пробежавшие мимо исследователи разом вжали головы в плечи. Лишь пьяный Кенли, щурясь, уставился на вершину лестницы.

У панорамного окна стоял лорд Оупен. На нем была не привычная рабочая мантия, а ослепительно-белое парадное облачение, расшитое золотом. В монокле блеснул холодный свет, а янтарные глаза смотрели вниз с ледяным презрением.

— Продолжай. Скажи еще пару слов, — чеканя каждый слог, произнес алхимик.

От этого пронизывающего взгляда с Кенли мигом слетел хмель. На всех исследователей в этой резиденции было наложено проклятие немоты, не позволявшее им проронить ни слова о русале.

А уж слугам генерала об этом знать и подавно не полагалось. В конце концов, игры со стиранием границ между жизнью и смертью могли спровоцировать колоссальный бунт. А он только что, не следя за языком, едва не выболтал тайну...

Кенли смущенно потер нос и, опустив голову, покорно зашагал вверх по ступеням.

Один из его лакеев дернулся было следом, как вдруг почувствовал резкую, невыносимую боль в спине. Его грудная клетка хрустнула, он выблевал фонтан крови и замертво рухнул навзничь.

— Тц, твои люди, может, и неразговорчивы, зато работают чисто, — попытался разрядить обстановку Кенли, переступая через труп. Но шедший впереди Оупен даже не сбавил шага, направляясь прямо по коридору.

Кенли никогда не отличался чуткостью к чужому настроению, поэтому тут же насупился:

— Да в чем, мать твою, дело? Я же просил не дергать меня по пустякам! Моя крошка Алиса все еще ждет меня в постели.

Оупен с силой распахнул массивные двери гостиной, а стоило генералу ввалиться внутрь — с такой же яростью захлопнул их.

Сотни фунтов резного дерева с позолотой издали жуткий, глухой грохот.

Кенли вздрогнул всем своим тучным телом, но тут же пришел в себя. Его пороссячьи глазки злобно сузились:

— Оупен! Что за фокусы?!

Белоснежный подол мантии взметнулся в воздухе.

— Почему мой запрос был отклонен?

В комнате повисла мертвая тишина.

Оба прекрасно понимали, о чем речь.

Два дня назад до Кенли дошли слухи о каком-то происшествии в резиденции, а уже к ночи Оупен прислал гонца с требованием выделить войска. Кенли, будучи в стельку пьяным, отказал не раздумывая.

Проси Оупен небольшой отряд — это еще куда ни шло. Но алхимик потребовал десять тысяч солдат.

Империя давно не вела войн. Армия формально существовала, но львиная доля казенных средств, выделяемых на ее содержание, оседала в карманах таких вот лордов. На бумаге числилось двести тысяч штыков, на деле же их число таяло с каждым годом. В столице попросту не было свободных войск, которые можно было бы передать под командование Оупена.

Да и к тому же, мобилизация требовала денег. И платить их Кенли совершенно не хотелось.

Генерал притворно раздраженно отмахнулся:

— Для какого такого дела тебе понадобилась целая армия? Совсем рассудком тронулся со своими пробирками?

Оупен медленно прищурился:

— Этот русал... он сбежал.

— Что?! — опешил Кенли. — Ты же сам освежевал его до состояния скелета!

Оупен молчал. Его янтарные глаза, неотрывно смотрящие на генерала, сейчас напоминали немигающий взгляд хладнокровной рептилии.

— ...Ну сбежал и сбежал, — пробурчал Кенли, отодвигая стул и тяжело опускаясь на сиденье.

— Он же полудохлый. Наверняка уже где-нибудь сдох от обезвоживания.

Рассуждая об этом, генерал даже повеселел:

— Готов спорить, когда мы найдем его труп, это будет просто сушеная рыбина. Интересно, много ли благородных девиц в столице захотят поставить у себя в спальне чучело «русалочьего принца»?

В просторной, более чем стометровой гостиной залиvistый смех Кенли звучал одиноко. Отсмеявшись, генерал наконец заметил, что собеседник совершенно не разделяет его веселья.

— Успокойтесь, ваша светлость, — Кенли намеренно выделил титул, вложив в него не каплю уважения, а лишь едкий сарказм. — Вас до смерти напугала какая-то рыбина?

— Я уже говорил: Он — не русал.

В глазах Оупена, казалось, плясало холодное пламя. Он подошел вплотную, накрыв Кенли своей тенью.

— Вы выплеснули свои мозги в постели вместе с семенем?

Поняв, что алхимик в бешенстве, Кенли внутренне сжался, но попытался сохранить лицо:

— Какая разница? Что может сделать один обглоданный рыбий скелет...

Оупен прервал его:

— Около тысячи лет назад племена русалок безраздельно властвовали во всех морях. В те времена на побережьях не существовало ни одного людского поселения. Своим пронзительным криком во время охоты русалки могли с легкостью разорвать наши внутренние органы. А в голодные времена они без труда выходили на сушу за добычей.

Самые прочные человеческие корабли разлетались в щепки под ударами их когтей. В некоторых хрониках сказано, что русалки умели призывать цунами. В ту эпоху они были истинными, некоронованными владыками глубин. Все дошедшие до нас крупницы знаний о них оставлены древними алхимиками и магами. И знаете ли вы, почему этот народ исчез?

Он сделал паузу, давая медлительному мозгу Кенли время переварить информацию.

— Потому что однажды жрецы русалок попытались призвать своего Бога. Но это была ловушка. Гениальная западня, расставленная нашими великими предками-алхимиками. Человеческий род множился, нам требовались новые земли для жизни, а алхимики заметили, что русалки проводят на суше все больше времени. Возникли опасения, что в будущем они решат окончательно переселиться на континент. И тогда для человечества просто не осталось бы места в этом мире.

Кенли слушал его, тупо приоткрыв рот.

— Тогда наши предки замаскировали ритуал призыва Древнего темного божества под утраченное наследие самих русалок. Они подбросили эти знания жрецам, заставив их поверить, что это древняя молитва их истинному Владыке Океанов.

На втором этаже стояла гробовая тишина. Из-за пугающей ауры впавшего в ярость руководителя никто из служащих не смел даже подняться на пролет.

В глазах Оупена отражалось то же благоговение и ужас, что и двадцать лет назад, когда он, еще будучи юнцом, впервые раскрыл ветхий дневник, испещренный похожими на головастиков древними рунами.

Заговор, рожденный тысячелетие назад ради выживания одного вида, навсегда предрешил судьбы двух рас.

— В одну ночь все русалки в океане исчезли без следа. Как вы понимаете, пробудившемуся от долгого сна божеству требовалась пища, — Оупен смотрел на Кенли не мигая. — Чудовищно много пищи. Вот почему русалки стали лишь мифом, а наша морская цивилизация смогла зародиться тысячелетие назад.

— Так... выходит, этот чернохвостый — просто чудом выживший малек? — первобытный ужас сковал горло генерала. Ему казалось, будто он стоит на краю бездны, таящей немыслимую правду, но его скудный ум не мог собрать детали воедино.

Оупен посмотрел на него сверху вниз:

— Я повторяю в третий раз, генерал Кенли. Он не русал. Это верховный жрец, поглотивший божественную сущность Древнего Бога. Когда жрецы поняли, что их обманули, их предсмертное проклятие эхом отозвалось в ушах всех алхимиков того времени: жрец поклялся, что ассимилирует искру Бога собственной плотью и кровью. И когда Он вернется в этот мир, человеческий род будет истреблен.

Губы Кенли задрожали, а затем его лицо исказилось от ярости:

— О таком... почему ты не сказал об этом с самого начала?! Почему молчал?!

Генерал вспомнил наваристый бульон из плоти русалки, который Оупен лично подал ему, и его внутренности свело ледяным спазмом, словно в желудке заворочалось что-то скользкое и живое. Что именно он сожрал? И что сделает с ним существо, поклявшееся уничтожить человечество, когда придет за ним?

— Я говорил, — холодно отозвался Оупен.

— Когда это ты...

— В Академии. Когда я прислуживал вам, благородным господам.

Кенли оцепенел. Действительно, поступая в Академию, юные аристократы покупали себе прислужников. Оупена тогда прислала Ассоциация алхимиков. Никто не любил этого мрачного, тощего мальчишку, который вечно бормотал себе под нос какой-то бред про «возвращение» и «истребление». Иногда, когда его бормотание начинало раздражать, они просто привязывали его к столбу и избивали. Подумаешь, какой-то простолюдин, пусть даже и с талантом к алхимии. Побили и забыли.

Лицо Кенли искривилось:

— Так это месть? Оупен, не забывайся! Именно я поддерживал тебя на пути к твоей нынешней славе!

Смерть уже дышала им в затылок, но людское высокомерие оставалось неизменным.

— И что дальше? Прикажете бросить меня в темницу? — ядовито усмехнулся Оупен. — Пожалуйста. Будете сидеть там в обнимку со своей крошкой Алисой и ждать, пока эта мерзость не зализает раны и не сожрет вас заживо?

Кенли побледнел как мертвец:

— Ты... ты ведь не врешь мне, да? Мясо уже съели император, императрица и принцы. Чего ты вообще добиваешься?!

— Того, чтобы вы все беспрекословно мне подчинялись. Я намерен убить Его, пока Он уязвим, — спокойно ответил алхимик. — Знаете, почему Он позволил нам срезать свою плоть? Потому что, согласно записям, до Его истинного пробуждения оставалось еще как минимум семьсот лет. Если бы я не нашел тот дневник и не открыл «Врата» раньше срока, то в день Его естественного пробуждения весь наш материк ушел бы под воду. Я нанес удар, когда Он был слабее всего.

— А то, что вы наелись Его мяса... кто знает, какие будут последствия, — Оупен коротко рассмеялся. — В любом случае, сейчас лучше проявить осторожность. Поэтому, генерал Кенли, мне нужны десять тысяч солдат, чтобы прочесать каждый дюйм побережья, включая земли по ту сторону пролива. Вы ведь дадите мне армию, не так ли?

Тем временем Райнс, петляя по безлюдным тропинкам, незаметно проскользнул во внутренний двор поместья.

— Это что на тебе такое? — раздался за спиной любопытный девичий голос, от которого юноша едва не подпрыгнул на месте.

Развернувшись, он увидел горничную Тину. Она пробралась через высокую траву и теперь

стояла перед ним с широкой улыбкой.

— Это я, напугала?

Тина не желала ему зла. Хозяева дома Соук поголовно мнили себя важными птицами, и лишь этот бастард был тихим, красивым и застенчивым. Стоило чуть-чуть подразнить его, как он тут же заливался краской, а из-за слабого здоровья он и вовсе напоминал хрупкую барышню.

Взгляд горничной скользнул по обнаженным белоснежным плечам Райнса, а затем прошелся вверх-вниз, оценивая наряд:

— Ух ты, красота какая! Ты что, украл платье у мадам и решил примерить?

— Нет...

Райнс отступил на шаг, нервно натянул вырез повыше и сгорая от стыда ухватился за подол, изодранный чуть ли не до самых бедер.

Тина издала разухабистый свист, словно завсегдатай портовой таверны:

— Да не, у мадам такого отродясь не было. Ты что, спер его из постели какой-нибудь ночной бабочки? Ха-ха-ха!

Деревенская девчонка, выросшая среди пьянчуг и деревенщин, за словом в карман не лезла.

Райнс густо покраснел. Румянец залил кончики ушей и почти добрался до самых глаз. Сейчас он напоминал белую птичку, которой насильно расправили крылья, выставив напоказ мягкий, незащитный пух.

К счастью, Тина знала меру. Посмеявшись, она сменила тему:

— А если серьезно, ты откуда в таком виде? Опять с утра пораньше сбежал?

Она прекрасно понимала, чьих это рук дело. Наблюдательная служанка знала об извращенных наклонностях Герберта куда больше, чем остальные.

Райнс опустил глаза, пряча смущение:

— Да... ходил к старой хижине.

Обычно их разговоры на этом и заканчивались — Райнс не отличался разговорчивостью. Но сегодня было иначе. Длинные ресницы дрогнули, и он поднял взгляд на Тину. В лучах солнца его водянисто-голубые глаза вспыхнули золотом, напоминая сверкающее мелководье. Потрясающе красиво.

— Тина... ты не могла бы принести мне немного хлеба?

— А? — удивилась горничная.

Она работала на кухне, и в таком огромном поместье всегда оставались излишки еды. Несмотря на суровые порядки, прислуга всегда находила лазейки.

Голос Райнса зазвучал мягко и умоляюще:

— Я... немного проголодался. Я заплачу, честно...

— Ты всегда разговариваешь таким тоном? — Тина театрально изогнулась, передразнивая его тихие интонации, а затем рассмеялась. Ее манеры оставляли желать лучшего, но Райнс умел отличать добро от зла, да и характер у него был слишком покладистым, чтобы обижаться.

Светловолосый юноша покачал головой:

— Наверное, это из-за здоровья. Я с рождения такой.

«И правда, как нежная птичка», — подумала Тина. Неудивительно, что Герберт проходу не дает собственному брату. Слава богам, что в поместье заправляют герцог и герцогиня, иначе Райнс уже давно оказался бы привязанным к постели.

— Да не нужны мне твои деньги, — она щедро махнула рукой. — Сейчас принесу.

И, круто развернувшись, зашагала прочь.

Лишь когда силуэт горничной скрылся за поворотом, Райнс с облегчением выдохнул.

Он обернулся и посмотрел на ребенка, прячущегося за бревенчатой изгородью. Мальчик был ненамного ниже самого Райнса, поэтому ему приходилось сидеть на корточках, чтобы не попадаться на глаза.

— Давай я заберу тебя к себе? — тихо спросил юноша. — По ночам здесь спускают сторожевых псов, на улице оставаться нельзя.

Ребенок казался немым, и Райнс даже не был уверен, понимает ли тот его слова. К тому же, взгляд этого мальчишки был каким-то... странным.

Под платьем у Райнса не было ровным счетом ничего. Да и сам подол он порвал еще сильнее, чтобы было удобнее идти. Когда он стоял прямо, ничего не было видно, но пока ребенок сидел на корточках за изгородью — обзор открывался весьма впечатляющий.

«Если я все правильно понял, этот среброхвостый в человеческом обличье — самец?» — мысленно рассуждало Существо. — «Тогда ему придется несладко».

С самками все просто: их матка напрямую трансформируется в выводковую сумку — это почти не больно. Но у человеческих мужчин матки нет. Значит, внизу его живота сформируется небольшой сгусток тканей, который начнет стремительно расти, а затем жестоко проложит себе путь наружу, прорывая плоть, чтобы создать вход.

Когда в теле насильно вырастает совершенно новый орган, от распирающей боли этот юноша будет рыдать взахлеб. При каждом взмахе хвоста боль будет отдаваться во всем теле, так что свернуться калачиком в гнезде и покорно ждать возвращения партнера станет для него единственным спасением.

Значит, Ему придется выстелить гнездо помягче.

Конечно, не будь на Райнсе этого платья, Он мог бы проявить каплю милосердия и немного облегчить его участь, пока юноша еще пребывает в человеческой форме. Но сейчас, глядя на этот соблазнительный вид, Он понял, что уже принял окончательное решение.

Какая жалость.

Но такова уж судьба всех среброхвостых.

<http://bllate.org/book/18086/1734609>